

УДК 378

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 июля 2010 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы научной биографии выдающегося отечественного литературоведа В. П. Скобелева (1930–2004), много лет проработавшего на филологическом факультете ВГУ. Выясняются особенности реализации творческих стратегий ученого – научно-исследовательских и педагогических.

Ключевые слова: литературоведение, научная биография, личность ученого.

Abstract: the paper analyzes academic career of a prominent Russian professor V.P. Skobelev (1930–2004) who worked many years at the Philological Faculty of Voronezh State University and presents the ways and method by which he realized his creative reseach and teaching strategies.

Key words: literary studies, academic biography, personality of a scientist.

Владислав Петрович Скобелев однажды заметил, что люди, занятые литературным творчеством, делятся как минимум на три большие группы: во-первых, на тех, чья жизнь «небогата внешними событиями. Они живут, и этим все сказано. Их личные взаимоотношения с действительностью – в их произведениях.

Есть другие, чьи биографии по-своему равновелики их творчеству, как бы соревнуются с их творческими созданиями, стоят с ними в одном ряду. Так возникает в истории литературы человек-сенсация, человек-легенда.

Наконец, есть и третьи: те, чья биография не сводится только к истории написания книг и в то же время не является легендарной. Она просто включает в себя непосредственное участие в повседневной практической работе и тем самым оказывается одновременно и обыкновенной, и значительной» [1].

Осмысленная внутренняя потребность в «основательной и серьезной» «повседневной практической работе» объясняет очень многое, но далеко не все в истории жизни и творчества В. П. Скобелева, искаженной различными метафорическими сюжетами и преданиями.

...Позволю себе экскурс в еще памятное прошлое. Мое знакомство с ученым состоялось в 1984 году на конференции, проходившей в ИМЛИ. Хорошо помню, как, отвечая оппонентам, сомневающимся в возможности преобладания вымысла над фактами в отдельных эпизодах автобиогра-

фического повествования, он лаконично и уверенно парировал: «Такая биография не может не мифологизироваться» (речь шла о писателе с трагически не проясненной судьбой).

Я не знал тогда, что научная биография самого Владислава Петровича отчасти подтверждала ту же закономерность. Годом позже в зале каталогов Библиотеки им. В. И. Ленина достаточно известный ленинградский литературовед настойчиво убеждал меня, что интерес к работам Скобелева может «привести к великой путанице», что автор монографии «Масса и личность в русской советской прозе 1920-х годов» явно «некритично усвоил Бахтина», а «русскую литературу 20-х годов представил» в соответствии с произвольными привязанностями и оценками, перенятыми у родного дяди, писателя Неверова, за что и поплатился на первой защите своей докторской диссертации, что предложенный им подход к анализу литературных явлений – это «взгляд провинциала, обреченного на незнание последних методологических концепций».

Не исключено, что некоторые из приведенных здесь «аттестаций» (казавшихся нелепыми уже в 1980-е годы) специально «доводились до сведения молодых» сторонниками советского догматического литературоведения и были хорошо известны Владиславу Петровичу.

На некоторые из них по своему обыкновению он долгое время отшучивался: «Я племянник «Ташкента – города хлебного». Но на склоне лет, решив назвать вещи своими именами, говорил, что его «семейные литературные корни не

такие глубокие», как может показаться: «Да, мой дядя Александр Сергеевич Неверов – автор повести «Ташкент – город хлебный». Но это родство на уровне дяди, которого я и не видел. Он умер в Москве за семь лет до моего рождения. Неверов оказал очень сильное влияние на моего отца <...> от него он узнал о Маяковском, которого очень любил, о пролеткультовцах. Неверов читал отцу свои произведения, приглашал в компанию писателей, разыгрывавших собственные пьесы, поручал ему роли в тех, что написал сам».

В воспоминаниях, датированных 2001 годом, Скобелев считал необходимым отметить: «Мои родители были, в общем-то, далеки от культурных процессов, происходящих в Самаре. Я родился здесь, а жили мы в поселке сельскохозяйственного института в Усть-Кинельском. Мама была агрохимиком, а папа – почвоведом» [2].

И все же «семейное воспитание» сыграло большую роль в формировании личности будущего литературоведа и педагога. Родители любили поэзию и театр. У отца, Петра Сергеевича Скобелева, была явная склонность к исследовательской и преподавательской деятельности. Начало своего пути в науку Владислав Петрович неизменно связывал с впечатлениями, полученными от разговоров с отцом, а также от изданий из домашней библиотеки, необычной для сталинской России: «Когда я рос, читал многое, что было доступно далеко не всем моим сверстникам: находилось в так называемом спецхране или было уничтожено», – уточнял ученый. В домашнем книжном шкафу хранились альманахи и сборники первого пореволюционного десятилетия, книги с автографами репрессированных или почти «забытых» писателей – факты, имена, перипетии литературных репутаций и судеб приоткрывались как будто изнутри минувшей эпохи. Журнальные страницы, испещренные серьезными и шутивными маргиналиями, передавали накал давно отшумевших критических дискуссий; художественные тексты, впоследствии искаженные редакторами и цензурой, представляли в «первопечатной» авторской версии.

Это было невероятно захватывающее чтение, во многом определившее будущие исследовательские интересы. Став студентом Куйбышевского педагогического института, уже на третьем курсе Скобелев пишет о литературной жизни Самары в годы Гражданской войны, а поступив в аспирантуру Института мировой литературы АН СССР, работает над кандидатской диссертацией, посвященной Б. Лавреневу и драматургии 1920-х годов (ее он защитит в Москве весной 1956 года).

Деятельность ученого в первое десятилетие после окончания аспирантуры охватывала не только интерпретацию художественных текстов, но и серьезную текстологическую и библиографическую работу. В поле зрения молодого исследователя – источники творчества А. Неверова, А. Толстого, А. Веселого, связанные с его родным городом на Волге различными обстоятельствами частной и творческой жизни.

В Самаре и сегодня существует предание о том, как Скобелев «принес на своих плечах» в литературно-мемориальный музей им. М. Горького «связки неразобранных бумаг из легендарного сундука квартиросъемщиков Толстых–Бостромов–Гуревичей». «Эти бумаги ждали своего часа в чулане одного из самарских домов в течение более полувека» [3], чтобы заложить основу созданного впоследствии музея А. Н. Толстого.

Во второй половине пятидесятых серьезной филологической школой для Владислава Петровича стала подготовка текстов и комментариев к четырехтомному собранию сочинений А. Неверова, выходящему в Куйбышеве. Затем был Муромский педагогический институт, а далее – Воронежский университет, где предстояло с полной самоотдачей проработать 18 лет.

Почти никому не известная подробность: в Воронеж В. П. Скобелев приехал 12 апреля 1961 года, в день всеобщего ликования, вызванного первым полетом человека в космос. Весенний праздничный город понравился сразу. Впечатляла его история, радовала возможность заниматься любимым делом на родине А. Платонова и Б. Эйхенбаума.

Исследовательские интересы литературоведа к тому времени были уже достаточно определенными: проза 20-х годов, в которой его привлекала «атмосфера поиска, внутренней раскованности».

Сходные критерии, связанные с ощущением внутренней свободы творчества, ученый считал возможным применять и в отношении исследовательских работ. Свою первую книгу «Александр Неверов», опубликованную в 1964 году, но написанную еще в г. Муроме, он считал во многом «сшитой по меркам, принятым в официальном литературоведении». Хорошо помню, с какой неповторимой самоиронией он комментировал эту свою работу и вспоминал слова Л. Шубина о том, что книга не должна быть «застегнута, как мундир, на все пуговицы». Перечитывая сегодня этот критико-биографический очерк, разумеется, нельзя не отметить известную дань официальной риторике, но интереснее, на мой взгляд, обратить внимание на склонность автора книги сообщать читателю новые факты (в том числе и такие «крамоль-

ные» для того времени, как участие А. Неверова в газете Директории, разгромленной большевиками, или его высказывания в поддержку Учредительного собрания).

Думаю, что первая книга, а точнее многолетняя работа в архивах Москвы, Куйбышева и Ульяновска, предшествовавшая ее написанию, заложила основы «практической теории» В. П. Скобелева, состоявшей в формировании «научного зрения», ориентированного на фактографическую конкретику, поиск, реконструкцию и обнаружение новых реалий в их связи с художественным текстом, эпохой, историко-литературным процессом. Заслуживает упоминания и стремление уже в первом монографическом исследовании иносказательно интерпретировать анализируемые проблемы. Особенно прозрачно перекликаются с современной ученому действительностью развернутый в книге комментарий о переживаемом героями искушении обменять вновь обретенную веру на сытое существование, о «теории малых дел», позволяющей сохранять видимую верность профессии, но в «царстве торжествующей пошлости» и воинствующей суровости обнаруживающей свою очевидную «бесмысленность» [4].

В. П. Скобелеву, «пролетарию умственного труда», как он себя иногда называл, приходилось тратить немало сил на «ниве малых дел», обреченных на долгую бюрократическую волокиту в советских издательствах. Характерно, что к одной из статей исследователь приложил перечень рассказов, очерков, статей и заметок А. Веселого [5], не включавшихся в сборники произведений прозаика, так как понимал, что «приходилось идти по целине без надежды опубликовать многие вещи» в обозримом будущем (привожу записи моей беседы с ученым).

Однако, по признанию Владислава Петровича, ощущения тупика все же не было: на исходе «оттепели» знакомство с трудами выдающихся филологов старшего поколения – М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. Я. Гинзбург, Г. А. Гуковско-го, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова – открывало новые перспективы анализа. Выход в Москве трехтомника «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» с фундаментальными статьями, подготовленными ровесниками, молодыми учеными из ИМЛИ, обнадеживал. Пример Ю. М. Лотмана и Б. О. Кормана, продуктивно работавших в провинции, подтверждал насущную необходимость поиска языка научных описаний, возрождающего и продолжающего исследовательские традиции, прерванные в годы непримиримой борьбы официального литерату-

роведения с формализмом и другими «немарксистскими методами».

В центре внимания ученого все чаще оказывались вопросы поэтики, связанные с изучением диспозиции «автор – герой», особенности стилевого воплощения характеров, укорененных в демократической народной среде. В 1960-е и 1970-е годы, работая на кафедре советской литературы ВГУ, В. П. Скобелев читал в Воронеже и Борисоглебске спецкурс «Поэтика новеллы и рассказа», обращаясь к произведениям И. Бабеля, Вс. Иванова, Б. Лавреньева, А. Малышкина, Б. Пильняка, Л. Сейфуллиной, А. Толстого, других писателей. И уже переехав в Самару, на основе многолетних наблюдений выпустил книгу «Поэтика рассказа» в издательстве Воронежского университета. Разрабатывая материалы спецкурса, он принимал деятельное участие в обсуждении и апробации категориального аппарата субъектно-структурного метода, предложенного Б. О. Корманом (истории идей этого ученого «на фоне развития отечественного литературоведения 1920–1970-х годов» впоследствии Владислав Петрович посвятит монографическое исследование [6]).

Дар оживлять и практически применять термины, засушенные и выхолощенные либо отсутствовавшие в учебниках и словарях, изданных в нормативную эпоху, позволял Скобелеву при обращении к русской прозе 1920-х годов – на лекциях, в многочисленных статьях и книгах – исследовать противоречия и возможности демократической среды преломления авторского голоса, фокусировать оптику литературоведческого анализа на таких значительных, но тогда почти невостребованных категориях анализа, как «масса и личность», «народный характер», «сказ» и др.

В синтезе деятельности ученого и преподавателя-практика заключался один из секретов его исключительно плодотворной работы. Он дорожил возможностью обсуждать свои наблюдения над текстом, полученные результаты, обобщения и выводы со студентами, аспирантами, коллегами. И разрушал все табели о рангах, ссылаясь в своих трудах на работы никому не известных молодых исследователей или, наоборот, высмеивая схематизм и непродуктивность приемов, принятых в официальной науке о литературе.

На эту тему существует немало мемуарных версий: московские, воронежские, самарские, петербургские, прибалтийские и другие сюжеты о Скобелеве передают интересные и выразительные подробности. В университетский фольклор вошли его блестящие остроты, многим памятные стихотворения-импровизации (в том числе на темы, заведомо не подходящие для цензуры).

Для меня несомненно, что в постижении особенностей творческих стратегий, порожденных различными стихиями народной жизни, Владислав Петрович имел склонность сопоставлять модели коммуникативного поведения разных исторических эпох и социальных слоев, нередко использовал (и даже смаковал) характерные для этих моделей словечки и обороты. Но, как заметила одна из его вдумчивых собеседниц, Скобелев меньше всего был «похож на беззаботного весельчака и дежурного балагура... он по душевному складу вроде реаниматора: шутит тогда, когда над жизнью нависла угроза, когда мысль застыла, воображение не работает, когда настроение на нуле. Тогда нужна встряска, толчок с неожиданной стороны, освобождение от спячки» [7].

Внимательно отнесемся и к словам М. А. Перепелкина: «Когда общался с В. П., всегда было ощущение, что многие воспринимают его как-то слишком поверхностно, не видя всю глубину трагизма, которая была в нем. При том, что этот человек так себя «расплескивал» и легко дарил окружающим, в нем присутствовала, не побоюсь высоких слов, метафизическая отвага... и груз прошедших лет, и холод небытия он сам-то, конечно, переживал. Но при этом вел себя так, что этого не было заметно. Досадно, что не все чувствовали это... самому В. П. было в первую очередь уютно с теми людьми, которые понимали, что стоит за его жизнерадостностью, и готовы были вступать в более серьезные личностные отношения, а не скользить по поверхности» [8].

...Однажды и я подумал о каком-то неведомом мне измерении жизни Владислава Петровича, когда, отвечая на пожелание встретиться через полгода, тот вдруг спокойно сказал, что на такой долгий срок уже не может загадывать. Вычитав и одобрив интервью для «Платоновского вестника», он прислал обстоятельное и очень доброе письмо, но через несколько месяцев пришло известие о его скоростижной кончине. В тот день защемило сердце от уже непоправимой вины: значит, не услышал я его, не поторопился отправить вышедший номер журнала, ждал, что Скобелев скоро приедет в Воронеж...

Наверное, «серьезные личностные отношения» с этим бесконечно одаренным человеком у каждого, кто с ним был хорошо знаком, складывались особые. Но существенно и характерно, что участники семинаров и спецкурсов В. П. Скобелева, люди разных поколений, охотнее называют его наставником и старшим другом, а не учителем. Думаю, противоречия здесь нет: функции наставника и учителя частично совпадают, но, как известно, формы их реализации не совсем тождественны.

Учитель (преподаватель) прежде всего выполняет задачи «когнитивного обучения», ориентированного на передачу определенных знаний. Наставник же своим собственным примером, образом жизни и профессиональным поведением (осмысленного, не искривленного) способствует ценностной самоидентификации, духовному взрослению и росту личности.

Во второй половине 1960-х годов В. П. Скобелев был очень дружен с Г. А. Белой, Б. Немировской, Л. А. Шубиным, по их рекомендации принимал у себя дома зарубежных стажеров, помогал, как мог, вдове К. П. Богатырева, убитого в Москве при невыясненных обстоятельствах, и жене А. Сивянского, отбывавшего срок в мордовских лагерях.

Помощь диссидентам, очные и заочные пикировки со спецслужбами, почти демонстративное нежелание приспособляться к официальному догматическому литературоведению откликнулись в биографии ученого весьма драматическими последствиями. О задуманной Владиславом Петровичем, но отмененной властями научной конференции, посвященной творчеству А. Платонова, уже не раз говорилось [9].

Но все еще требует историзации вынужденный отзыв Скобелевым докторской диссертации из экспертного совета ВАК в первой половине 1970-х годов.

Не просто пережив это испытание, тяжелое для увлеченного наукой человека, ученый долгое время терялся в догадках: считал главной причиной необоснованной пролонгации то доносы коллег-недоброжелателей, то госбезопасность. Со временем пришло видение этой проблемы как системной, вызванной непримиримым конфликтом старых и новых течений в общественной жизни. Хорошо помню, как в 2002 году, вспоминая «нравы былых времен», Владислав Петрович заговорил о позиции А. И. Метченко, который, возглавляя экспертный совет ВАК, имел к этим событиям самое непосредственное отношение.

Я тогда с удивлением узнал, что еще студентом В. П. Скобелев два года занимался в семинаре А. И. Метченко, пока тот, заручившись поддержкой ЦК ВКП(б), в начале 1950-х не был переведен в Москву. Надолго став знаковой фигурой времени, олицетворением «идеологического литературоведения», Метченко* считал политическую (и

* К своим бывшим ученикам А. И. Метченко относился особенно критично, не упуская возможности указать им на идейно-политические «ошибки». В книге «Кровное, завоеванное», удостоенной Государственной премии СССР за 1973 год, он нападал на изданные за рубежом труды В. Страды, по идеологическим причинам отчисленного когда-то из его аспирантуры, язвительно

методологическую) благонадежность важнейшим (если не главным) критерием принятия решений в экспертном совете Высшей аттестационной комиссии. Две диссертации Вяч. Вс. Иванова, например, сотрудники ВАК «теряли» после выступлений последнего в поддержку деятелей литературы, науки и культуры, оказавшихся не угодными советским властям (а также за дружеские контакты с «оруженосцем формализма» Р. Якобсоном). Докторскую диссертацию З. Г. Минц «годами не утверждали, прогоняя через одну «черную» рецензию за другой», в связи с тем, что соискательница поддерживала защитников пражской весны, после 1968 года добавляла к своим статьям посвящения на чешском языке, да к тому же «являлась женой» одного из лидеров отечественной школы структуральной поэтики Ю. М. Лотмана и сама писала работы в духе структурализма. О последних «мотивах» председатель экспертного совета ВАК в 1970-е годы «не стеснялся рассказывать на заседаниях кафедры советской литературы МГУ» (привожу свидетельства Д. М. Магомедовой).

Десятилетняя история присуждения докторской степени В. П. Скобелеву имела также совсем «не частный характер». Как известно, в диссертации воронежского исследователя, внука русского крестьянина и сына агронома, была предпринята смелая попытка показать, как различные художественные концепции национального бытия формировались в прозе 1920-х годов и обсуждались в литературной критике тех лет в «свете раскрестьянивания народной жизни» [10].

Непреходящее значение этой работы, как и других «скобелевских исследований литературы о революции и гражданской войне», Н. Т. Рымарь справедливо связывает со «стремлением извлечь гуманистические ценности из наиболее трагических страниц истории страны» [11], погрузившейся в глухое беспамятство.

Анализируя на страницах диссертации и в изданной на ее основе монографии логику подмен в «споре о мужике», исследуя формы «личностного самосознания» в «праздничную» и трагическую революционную эпоху, Скобелев нарушал писанные и неписанные законы советского литературоведения, почти не ссылаясь на труды «основоположников марксизма», обходясь без обязательной для жанра диссертации риторики о «путях развития литературы социалистического реализма», последовательно развивая идеи М. Бахтина, Ю. Тынянова, Ю. Лотмана.

отзывался и о статье В. П. Скобелева «О двух стилевых тенденциях в прозе 1920-х годов», опубликованной в воронежском сборнике «Революция. Жизнь. Писатель» за 1969 год.

Современным молодым исследователям, наоборот, будет трудно понять, что успешная защита докторской диссертации, которая состоялась в ноябре 1973 года в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, благожелательные отзывы, полученные в ИМЛИ (ведущей организации), Пушкинском Доме (одним из оппонентов был Н. Н. Скатов), а также положительные заключения таких авторитетных ученых, как В. В. Гура, К. Д. Муратова и других, для председателя экспертного совета ВАК по литературоведению А. И. Метченко могли иметь значение лишь в том случае, если «не затрагивались основы» и «компетентные органы» не вносили иных предложений. Однако в «истории В. П. Скобелева» именно эти два фактора сыграли свою известную роль (при решающем значении второго), о чем он говорил Л. А. Шубину, а позднее – О. А. Бердниковой. Без объяснения видимых причин ему было предложено отозвать работу из ВАК и представить ее в другой докторский совет (на том же материале она будет защищена через десять лет в МГУ).

Испытания ученый переносил стоически: в письмах, адресованных тем, кто его поддерживал, рефреном проходит строка из «Песенки старого шарманщика» Б. Окуджавы: «Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют...». Едва ли случайно после этих событий все книги Владислава Петровича будут выходить только в провинциальных издательствах.

Что было, то было. Но, всматриваясь в Россию и народный характер с высоты большого исторического времени, В. П. Скобелев не терял уверенности в том, что порожденные невежественной властью рабство, агрессивная нетерпимость и жестокость – при всей видимости их почти метафизической повторяемости – воспринимаются демократической народной средой как явления чужеродные и временные. Благодаря глубоко гуманистическому пониманию «ресурсов человеческой жизни» ученый остался собой на очной ставке с «эпохой, которая уже переставала быть вегетарианской». Вероятно, по той же причине, если появлялась возможность, он внимательно расспрашивал людей простого звания о некорыстном и не всегда радостном их житье-бытье.

Закономерно поэтому его обращение в 1970-е годы к проблеме сказовых форм, связанной с дальнейшим постижением «предоставленной народной массе возможности заговорить непосредственно от своего имени» [12]. У книги «Поэтика сказа» (1978) была, кстати, судьба «особая». С одной стороны, признание мировым научным сообществом. Эту новаторскую и глубокую работу и сегодня по праву называют классичес-

кой. С другой – очередные проблемы возникли у одного из соавторов (Е. Г. Мущенко), от которой сотрудники ВАК после защиты кандидатской диссертации начали требовать разъяснений по поводу вышедшей в Воронеже книги...

После переезда Скобелева в Куйбышев, куда он был приглашен Л. А. Финком на должность профессора кафедры русской и зарубежной литературы, мы встречались на конференциях в Москве. Благодаря Т. А. Никоновой и Г. А. Шпилевой уже в перестроечные годы мне посчастливилось стать слушателем теоретических семинаров и спецкурсов, прочитанных им воронежским студентам. Тогда же я получил в подарок «Слово далекое и близкое» (1991), а чуть позже – фундаментальный труд, написанный в соавторстве с Н. Т. Рымарем «Теория автора и проблемы художественной деятельности» (1994).

Запомнилось, что на занятиях, несмотря на серьезность обсуждавшихся проблем, Владиславу Петровичу была бесконечно ближе роль «преподавателя-друга», а не «отца-учителя». В достаточно четком разграничении данных понятий (друга и отца), очевидно, заключался один из секретов мощного воздействия этого человека и педагога на тех, кто прошел его школу, вместе работал, обращался за консультацией и советом. (Со старшим другом, по понятным причинам, можно говорить практически обо всем, в то время как модель «разговор с отцом» изначально задает табуированные темы.) Если «наставник – это друг», то формализация межличностных отношений в расчет не принимается, зато исключительно большое значение приобретает доверие к слушателям (и ожидание от них того же). В силу такого понимания, не только практические занятия, но и лекции В. П. Скобелева выстраивались как действие, предполагающее соучастие, сораздумье и сотворчество: «Никакой позы, никакого «поигрывания» своими знаниями, никакого заигрывания с собеседниками – просто идет обмен мнениями, знаниями, опытом», – так характеризует эту «школу свободного человека» Л. Е. Кройчик [13].

Стиль поведения наставника-друга Владислава Петровича (или ВэПэ, как его называли коллеги) мог демонстрировать достаточно нарочито: на лекциях он позволял себе вольные экскурсии в «дела давно минувших дней» (в том числе связанные со скандальными подробностями бытового и творческого поведения иных классиков советской литературы), но неизменно возвращался к теме занятия, причем в с е г д а успевал знакомить слушателей с хорошо структурированным и продуманным учебным материалом (на доске мелом

вычерчивались схемы, иллюстрирующие сказанное, основные формулировки предлагались для записи).

Свою манеру выступать публично уже в новые времена Скобелев оговаривал экстраординарными условиями распространения информации в подцензурную эпоху: «Если поступит донос, пусть *те, кому надо*, узнают новые факты ... А там – книгу откроют, прочтут ее с интересом...» (это свидетельство, к сожалению, не вошло в опубликованное интервью) [14].

До конца своих дней ученый продолжал плодотворно работать, собирал интересные конференции, был устремлен к новым теоретическим знаниям, интересовался малоизученными явлениями в области пародии, чужого слова, смеховой культуры, щедро делился своими уникальными знаниями. Он таким и остался в памяти: человеком не из книжной легенды, а по-настоящему живым, доброжелательным, бескорыстно отдающимся любимому делу.

В этом году ему исполнилось бы 80 лет...

ЛИТЕРАТУРА

1. Скобелев В. Гавриил Троепольский / В. Скобелев. – М. : Советская Россия, 1969. – С. 3.
2. Скобелев В. П. Осколки воспоминаний / В. П. Скобелев // Человек-праздник. Владислав Петрович Скобелев : страницы жизни. – Самара : Самарский ун-т, 2009. – С. 9.
3. Перепелкин М. Как мы ездили в Сосновку / М. Перепелкин // Человек-праздник. Владислав Петрович Скобелев : страницы жизни. – Самара : Самарский ун-т, 2009. – С. 200–201.
4. Скобелев В. Александр Неверов / В. Скобелев. – М. : Советский писатель, 1964. – С. 47.
5. Скобелев В. П. Артем Веселый в годы революции и гражданской войны (1917–1921) / В. П. Скобелев // Ученые записки. – Муром, 1963. Вып. 6, филологический. – С. 85–108.
6. Скобелев В. П. Системно-субъектный метод в трудах Б. О. Кормана : учеб. пособие / В. П. Скобелев. – Ижевск, 2003.
7. Казарина Т. Человек-праздник / Т. Казарина. – Самара, 2001. – № 3/4. – С. 42.
8. Аспирантский семинар памяти В. П. Скобелева на кафедре русской и зарубежной литературы СамГУ // Человек-праздник. Владислав Петрович Скобелев : страницы жизни. – Самара : Самарский ун-т, 2009. – С. 249.
9. Алейников О. «...Без истины трудно жить» (опыт библиографической ретроспекции) / О. Алейников // Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. – Воронеж, 1998. – С. 146–147.
10. Скобелев В. П. Масса и личность в русской советской прозе 1920-х годов (к проблеме народного

характера) / В. П. Скобелев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1975. – С. 330.

11. *Рымарь Н. Т.* О научном наследии проф. В. П. Скобелева / Н. Т. Рымарь // Памяти профессора В. П. Скобелева : проблемы поэтики и истории русской литературы XIX–XX веков. – Самара : Самарский ун-т, 2005. – С. 7, 12.

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века

Тел.: 208-941

12. *Мущенко Е. Г.* Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1978. – С. 9.

13. *Кройчик Л.* Школа свободного человека / Л. Кройчик // Воронежский курьер. – 2000. – 14 нояб.

14. «Правды о Платонове они боялись...» : интервью с В. П. Скобелевым // Платоновский вестник. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. – № 2/3.

Voronezh State University

Aleynikov O. Yu., Candidate of Philological Science, Associate Professor of the Department of the XXth Century Russian Literature

Tel.: 208-941